

Талахасси.

- Вы бывали когда-нибудь в Талахасси?

Если вы зададите этот вопрос любому американцу живущему на достаточном удалении от этого города, то, скорее всего, получите отрицательный ответ. Между тем Талахасси является официальной столицей штата Флорида, бесспорно популярного места отдыха для туристов со всех концов земного шара. Когда-то в конце 18-го – начале 19-го веков Талахасси и весь север Флориды были наиболее изведанной частью солнечного штата, так как ныне популярный юг и средняя часть представляли собой непроходимые болота кишящие ядовитыми змеями и аллигаторами. Строительство железных дорог, осушение болот, появление самолётов кардинально изменили карту Флориды: благодаря им появились многочисленные южные города-курорты, одни названия которых в рекламах турагентств как заклинания манят истосковавшегося по теплу северного туриста. Майами, Бока Ратон, Ки Вест – вряд ли кто не слышал этих названий. Бесконечные песчаные пляжи с пальмами у подножий многоэтажных дорогих отелей, блестящие солнцезащитными кремами точёные тела загорающих, серферы скользящие по волнам, огромные китообразные моторные лодки бороздящие изумрудную океанскую гладь, коктейли с зонтиками – всё это будни южных городов. В Талахасси, куда меня с семьёй занесло чистое любопытство и любовь к нетронутой человеком природе, – картина совершенно иная.

Приехав сюда в феврале я не ожидал что погода здесь может столь стремительно меняться от по-летнему тёплой и солнечной до весьма холодной с чуть ли не минусовыми температурами по ночам. Впрочем именно благодаря похолоданию и проливным дождям затянувшимся на несколько дней мы и посетили основные достопримечательности в центре Талахасси: самое высокое 23-этажное административное здание Новый Капитолий с верхнего этажа которого, открытого для посещения публики, открывается вся панорама городка, музей штата Флорида и дом некой г-жи Кнот в котором была подписана декларация об эмансипации рабов.

Вид с Нового Капитолия.

Внимательно изучив панораму города с высоты самого высокого здания я заключил что за вычетом нескольких многоэтажек в центре город в основном двух-трёх этажный, очень небольшой и по всему периметру окружён густыми лесами тянущимися до горизонта во всех направлениях. В леса врезаются прямые исходящие из города лучами автотрассы. Основная часть населения живёт за городом в частных домах сокрытых зелеными бесконечных

лесов. Там вдалеке где дороги превращаются в тонкие нити машины выползают на них из леса как маленькие жучки и сонмом устремляются в направлении города. Несмотря на огромное количество машин въезжающих и покидающих Талахасси в центре его практически нет прогуливающих людей – город безлюден. Основная жизнь кипит вокруг так называемых стрип-малов – череды магазинов и офисов тянущихся вдоль автотрасс единым полосовым строением за пределами города. Впрочем сами пределы эти меж городской застройкой и пригородами сложно обозначить так как плавный градиентный переход к одноэтажной американской провинции начинается уже в самом утопающем в зелени центре Талахасси. Значительную часть урбанистического пейзажа занимает Университет Флориды и принадлежащий Университету огромный стадион – этакий современный римэйк римского коллизея (город явно не поспешил на его строительство.) По сути Талахасси – это университетский городок, большой процент населения которого или учится или преподаёт.

Музей Флориды города Талахасси

В музее Флориды мы узнали много любопытных фактов из её древней и недавней истории. Вот некоторые особо запомнившиеся из них:

1) Оказывается во Флориде никогда не было динозавров – она поднялась из под воды когда гигантские рептилии уже исчезли с поверхности планеты. Однако же в местных болотах находят многочисленные останки доисторических животных более позднего периода – мастодонтов, гигантского броненосца и даже Американского верблюда (хотя всем известно что ныне верблюды не водятся ни в Северной ни в Южной Америках). Скелет мастодонта и движущийся макет гигантского броненосца пугающий малых детишек – встречают посетителей музея в первой по ходу его экспозиции.

2) Оказывается индейцы во Флориде в куда большей мере изведены англичанами нежели испанцами. Как только Англия отвоевала у Испании Флориду в начале 19-го века, всем индейцам было мирно предложено переселиться в соседнюю Луизианну. За их отказом последовали 3 продолжительные англо-индейские войны, в результате которых большая часть индейцев погибла, часть самого многочисленного племени - семеновлашшла себе новое пристанище в совершенно непроходимых болотах Южной Флориды, а часть таки переселилась в Луизианну.

Ныне потомкам тех индейцев что пережили войну государством отдан казиношный бизнес для обеспечения их экономической независимости от государства и для поддержания их культурно-исторического наследия. За счёт многочисленных "индейских» казино открываются школы по изучению индейского языка и народных

традиций, организуются просветительские мероприятия, в частности довольно обширная экспозиция данного музея посвящённая истории индейцев Флориды. На экспозиции можно увидеть и портреты индейских вождей - героев англо-индейских сражений, и традиционные одежды разных племён, предметы их быта.

3) Оказывается те кто проживает в Северной Флориде сейчас считают себя южанами куда в большей мере чем теперешнее население южных городов Флориды. Местное белое население - это в основном потомки плантаторов южан. Во времена гражданской войны между американским Севером и американским Югом - вся Флорида за исключением нескольких захваченных северянами портов воевала на стороне рабовладельческого Юга. Население теперешних южных городов Флориды говорит практически с тем же акцентом с которым говорят в Бостоне или Нью-Йорке, если вообще говорит на английском а не на испанском. Жители же северной Флориды говорят с весьма узнаваемым южным акцентом. История гражданской войны в экспозициях музея изложена без предпочтения той или иной стороне, без особенных реверансов победившему Северу и политически корректно по отношению к довольно многочисленному здесь чернокожему населению.

В конце 18-го-начале 19-го веков северная Флорида притягивала огромные потоки туристов со всего восточного побережья Америки, которые путешествовали на компактных туристических пароходиках по узким речкам протекающим среди густых непроходимых джунглей. Точная копия такого пароходика с каютами пассажиров, капитанской комнатой, старыми фотографиями и историей водных путешествий часть одной из экспозиций музея. Так же популярным направлением были курорты на тёплых родниках (Сильвер Спрингс - один из наиболее популярных тогда родников). Родники выходят из под земли во многих районах Флориды образуя удивительные глубокие водные массивы кристально чистой абсолютно прозрачной воды. С развитием юга Флориды - север вместе со своими природными жемчужинами в силу более прохладного зимнего климата потерял свою туристическую популярность.

4) Оказывается что во Флориде со времён появления авиации располагается наибольшее по Америке количество лётных школ из-за удобного для полётов ландшафта этого штата (ландшафт во Флориде в основном равнинный с небольшими пологими холмами.) Наверно в

связи с этим в экспозиции музея посвящённой Второй Мировой Войне рассказывается о большом количестве воздушных битв о которых я ранее не слышал (например в Малайзии, на каких-то ещё океанских островах). Войне Германии с Россией уделяется весьма скромное место - упоминание вскользь, что вполне понятно - своя рубаха ближе к телу.

5) Оказывается основная сельскохозяйственная культура Флориды - цитрусовые была завезена испанцами из Европы 400лет назад. Однако ж культивироваться она стала только после

гражданской войны во 19м веке. Ящики с артистичными лэйблами начала 19-го века и сортировочные машины для цитрусовых - часть сельскохозяйственной экспозиции музея.

Вот пожалуй то основное что запомнилось мне от посещения музея.

Дом-музей Кнотт.

В домике г-жи Кнотт, в котором она пережила великую американскую депрессию 30-х годов, мы увидели типичный интерьер состоятельного дома первой половины 19-го века. Депрессия отразилась и на хозяйстве дома - худые вещи аккуратно перештопывались, ничто не шло в отход, на всём сказывалась экономия - даже дорогие рукописные обои были наклеены только там где мебель не закрывала стену, даже портрет матери хозяйки на стене был нарисован поверх другого женского портрета таким образом что тело оставалось от прежнего изображения и лишь лицо было написано художником поверх

прежнего лица. Ко всякому предмету мебелировки - к пианину с выгнутыми ножками, узорчатой меди часам на камине, книжному шкафу высотой под потолок с огромным количеством книг... - были прикреплены бирочки со стихами мадам Кнот, в которых вещи от своего имени шуточно говорят с посетителем дома (Я славный шкаф, в мои сто лет я выгляжу вполне прилично, вам так же выглядеть отлично я пожелаю в ваши сто). Хозяйка видимо предполагала что в силу своей исторической миссии дому предначертано было когда-то стать домом-музеем, оттого все вещи и наделены были собственным голосом. Сфотографировавшись на пороге дома с которого когда-то была зачитана декларация об эмансипации рабов мы отправились бродить по улочкам в центре города.

Город.

Город, как я упоминал выше, был совершенно безлюден, опрятен как монашка, каждое 4-е здание оказывалось или церковью или религиозным учреждением. От излишних проявлений стихий: проливных дождей и палящего солнца улицы повсюду были защищены разлапистыми деревьями, с которых до земли свисали седые мочала какой-то высушенной растительности. Из мочал то тут то там проглядывали бело-розовые распускающиеся бутоны, по верху толстых широко раскинутых ветвей рос тёмно зелёный мох, отчего деревья приобретали вид мохнатых сказочных чудищ и весь город выглядел сказочным.

Маршруты путешествий.

Сухие и солнечные дни которых на время нашего 10 дневного пребывания в северной Флориде выдалось ровно половина мы потратили на знакомство с её природными, заповедными и историческими местами расположенными под открытым небом: музеем-зоопарком Талахасси, испанской миссией Сан-Луис, заповедником Святого Марка, родниковым озером Вакулла Спрингс и Садам Альфреда Маклэя. Так же посетили мы лабораторию в которой располагается самый сильный в мире магнит (один раз в году там проводится День Открытых Дверей на который нам посчастливилось попасть) и по пути к песчаным пляжам на Мексиканском заливе заехали в центр изучения морской флоры и фауны.

Расскажу о каждом из этих мест по порядку:

Музей-заповедник города Талахасси

Музей Талахасси большей частью представляет собою зоопарк где животные местной фауны живут в типичном даинной местности лесу на огороженных сеткой просторных участках-вольерах. Посетители ходят меж вольерами по приподнятым высоко над землёй помосткам. Судя по живой коллекции зоопарка характерными представителями здешней фауны здесь являются рыси, пантеры, совы, индейки, чёрные медведи и безусловно населяющие флоридские болота аллигаторы и черепахи. Особенно заинтриговали меня истории о судьбах двух медведей живущих в зоопарке, рассказанные служащим зоопарка:

Первая - история медведя-самца, вторая - история медведицы.

Медвежонок-мальчик практически родился и вырос на помойке при одном из местных ресторанов на которой регулярно кормилась его мамаша. По возмужанию сына мать стала рассматривать его как своего конкурента и прогнала с помойки которой стало недостаточно чтоб прокормить двух взрослых медведей. Бедняга не способный добывать себе пищу в дикой природе стал скитаться по окружающим посёлкам в поисках пропитания. Он поднимался

на задние лапы и стучал в окна частных домов выпрашивая пищу. Можно себе представить реакцию хозяев домов подходивших к окнам на стук, например, посреди ночи чтоб увидеть за стеклом медвежью физиономию. Жители одного из домов в конце концов вызвали полицию, медведь был пойман и передан в зоопарк.

Истории медведицы более печальна. Её мать убили браконьеры и она с медвежонком-братцем поселилась жить в дупле большого дерева. Лесоруб валивший это дерево не заметил

спящих в дупле медвежат, в результате - братец погиб, а у маленькой медведицы бензопилой отхватило часть уха и часть передней когтистой лапки. Тот же лесоруб обнаружив оставшуюся в живых маленькую медведицу взял её домой и посадил на цепь в саду как сажают собак. Медведица подросла и соседи наконец заметили что у лесоруба в саду живёт вовсе не собака, позвонили в полицию. Лесоруба судили за нарушение общественного порядка, а медведицу отправили в зоопарк, поскольку в силу предыдущего обращения с ней она была бы потенциально опасна для людей если бы её выпустили в дикую природу.

Особенно красивым в музее-зоопарке оказался мне типичный Флоридский пейзаж заболоченного леса. Стволы тех же Талахасских деревьев со свисающими с поросших мхом ветвей седыми мочалами украшенными бутонами бело-розовых распускающихся цветов здесь на болотистой почве ширились у своего основания словно брючины-клёш и бугрились какими-то фантасмогорическими наростами. Корни расплзались от ствола во все стороны словно выжищие змеи зарываясь в землю на удалении от дерева. Мохнатые седовласые великаны отражались зеркально в недвижимой воде высохшего за зиму болота, вылавливая лапами

из нежно-голубой жижи утопающие облака. То тут то там меж их высоких толстых стволов высывали лучистые сочнозелёные листья ладошки низкорослые пальмы.

Помимо зоопарка на территории музея так же размещались постройки рабовладельческой плантации привезённые сюда из разных районов северной Флориды. Дом некогда принадлежал знатной плантаторше являвшейся одновременно наследницей двух великих фамилий Старого и Нового Света: Наполеона по линии супруга и Вашингтона по своей крови.

Дом окружали значительно меньшие по размеру строения: церковь для чёрных рабов, школа для детей рабов и , собственно, жилище где жила семья рабов - совсем крохотный сруб похожий на русскую деревенскую баньку с маленьким едва пропускающим свет оконцем, одной лишь комнаткой с земляным полом являвшейся и кухней и спальней – этакая «хижина Дяди Тома».

Интересно что еда для господ готовилась в отдельном от господского дома строении, а печи, котлы, жаровни вообще размещались под открытым небом из соображений пожаробезопасности и в силу мягкости здешнего климата.

Господский дом был просторен но довольно скромн своей обстановкой, я бы сказал скромн на грани религиозного аскетизма. Ни одна из построек не отличалась архитектурным изяществом, но все вместе они в окружении тенистой растительности и ухоженного сада были очень милы и давали весьма живое представление об укладе плантаторской жизни.

Так же на территории музея на забаву подросткам выставлен был последний вагон

поезда начала 20-го века специально предназначенный для наблюдения за возгоранием смазочной жидкости в колёсах остальных вагонов движущегося состава. Такие вагончики в начале 20-го - конце 19-го веков были непременным сопровождением любого паровоза во избежание его схождения с рельс если на полном ходу загорится смазка колёс. Вагончик по сути представлял собой домик на колёсах с койками, умывальником, кухней и обзорной площадкой наверху с которой когда-то можно было видеть все вагоны до головы поезда. Внутри вагончика легко было представить себе жизнь колёсных смотрителей. Стук сердца их сливался со стуком колёс и внимание их из всех живописных пейзажей американских равнин и возгораний рассекаемых изгибающимся телом локомотива и блеском рельс впереди вылавливало лишь один незначительный фрагмент - седой дымок выходящий из под колёс. Так сокол летит над степью устремлённый взором вниз, замороженный не красотой окружающих пространств но одной лишь крохотной юркой тварью показавшейся из своей норы. Для этих людей дальние путешествия вряд ли представлялись развлечением. Приедь и я во Флориду, скажем, по работе, вряд ли столь живы были бы мои впечатления от всего происходящего вокруг.

Заповедник Святого Марка.

В другой солнечный день нам довелось посетить заповедник Святого Марка в полудне езды от Талахасси в сторону Мексиканского залива. Тут то нам очень пригодились знания животного мира края полученные накануне в музее-заповеднике, иначе как бы мы могли опознать в огромной кошке перебежавшей дорогу и скрывшейся в густых пальмовых зарослях дикую рысь. Предположений было два – или пантера или рысь – только эти две крупные представительницы семейства кошачьих схожие размером и окрасом шерсти наиболее распространены в здешних местах, но, поскольку мы видели в музее-заповеднике и ту и другую – идентифицировать свободно-разгуливающую хищницу было легко. Вот только снять её увы не удалось ни на фото ни на видео-камеру так как быстрота любительской электронной техники уступает живости дикой природы.

Растительный пейзаж на протяжении всего парка был очень разнообразен. Слово напуганные друг другом седовласые разлапистые деревья с выгнутыми ветвями и дыблящимися на них испанским мхом сменяли сосны с уходящими в небо ровными голыми стволами коронованными разреженными шапочками хвои, у подножья их чертополохом росли кустарниковые пальмы более напоминающие заросли папоротника. По мере приближения к Мексиканскому Заливу деревья становились ниже и реже, весь пейзаж чем-то начинал напоминать Африканскую саванну – то тут то там открывались плечи белого песка

окаймлённые высокой болотной травой, где-то трава была выжжена обнажая черные чешуйчатые стволы низкорослых пальм с пышными чубами листьев наверху. По болотам на длинных ногах расхаживали цапли и ибисы внимательно всматриваясь в медленно текущую болотную муть с видом ревизора бегущего глазами по строкам подозрительной бумаги. Дорога заканчивалась у Залива с песчаной полосой берега поросшего травой щетинящейся из под прибитой волнами белой пены. Над всем берегом возвышался старый маяк в окаймлении всего окружающего пейзажа достойный кисти живописца.

Вся картина с белыми песчаными плешами, выжженной травой, островами пальмовых и сосновых лесов поднимающихся утёсами над равнинами камышовых болот, застывшими на отдалении фигурами водяных буйволов обманчиво рождала ассоциации жаркого раскалённого пространства, на самом же деле температура едва ли была выше 15-ти градусов по Цельсию, с залива дул холодный порывистый ветер. Мы пробыли у маяка остаток светлого дня слушая тишину и ожидая наступления вечера. В небе зрел закат вишнёво-жёлтыми разводами набирая глубину красок, пейзаж же на фоне заката напротив терял свои соки превращаясь в чёрный контурный рисунок, вычерчивающий поверху силуэты пышных остролистных пальмовых шапок. На другой стороне дороги поднималась огромная полная луна превращая "саванну" в лунный космический ландшафт незнакомой планеты. Из мглы стелящейся понизу вынырнула огромная ушастая сова и, сделав круг над равниной, села на вершину голого умершего дерева в свете луны казавшегося белым как кость. Такой картиной проводил нас заповедник Святого Марка прежде чем скрыться в темноте в которую одна за одной робея пред лунным светом входили звёзды.

Магнитная лаборатория.

Один день официальным прогнозом был приговорён к затяжному проливному дождю, на деле ж он то хмурился то вдруг светлел и расплывался в солнечной улыбке, то опять вроде печалился тёмными облаками грезя чем то недобрым, но снова наполнялся светло голубой нежностью в растущих межоблачных брешах. В общем вел себя как добряк с не вполне уравновешенной психикой. Будучи в неопределённости относительно его дальнейших капризов мы решили начать этот день с посещения лаборатории магнетизма при Талахасском университете в которой располагается крупнейший в мире магнит. Лаборатория используются учёными США и других стран для проведения опытов с магнетизмом и изучения электромагнитных свойств материалов. Лишь один день в году с целью популяризации науки – День Открытых Дверей - в лабораторию допускается публика которой демонстрируются

показательные опыты с магнетизмом и электричеством. Поистине чудеса творимые природой превосходят мастерство любого фокусника. И дети и взрослые приходили в восторг от того как у игрушечного оленя исходили искры от рогов, радио включалось само собой, лампочки без подведённых к ним проводов загорались в руках лаборанта в индуцированном им электрополе. Вода одновременно закипала и превращалась в лёд при комнатной температуре в цилиндре с понижаемым до «тройной точки» давлением. Кусок металла разрезался как масло тонкой как волос металлической струной в какой-то хитроумной установке. Кучи пожертвованных науке свежесрезанных роз одна за одной окунались в жидкий азот и крошились словно глазурь. Кусочек магнита брошенный в вертикальную металлическую трубу падал медленно словно астероид летящий по инерции в невесомости космического пространства. Эти и многие другие показательные опыты с сопутствующим объяснением законов природы стоящими за каждым из них интриговали любого даже самого далёкого от науки посетителя лабораторий. Сам магнит оказался довольно громоздкой в два этажа вышиной установкой состоящей из магнитных катушек и охлаждающих цистерн с жидким азотом. Служащий пояснил что магнит работает при сверх низкой температуре 4 градуса выше абсолютного нуля и для того чтобы опустить температуру еще на градус необходимо было бы вложить в модернизацию всей установки один миллиард долларов. Не дёшево обходится человечеству познавать сокровенные тайны природы! Впрочем если сравнить жертвования на чисто исследовательскую фундаментальную науку с теми суммами что человечество в целом тратит на подготовку и ведение войн или на многие другие праздные или деструктивные цели – вы поймёте что наука-то менее всего обременяет нас в финансовом отношении.

От посещения магнитной лаборатории у меня осталось впечатление временного пребывания в фантазии технократического будущего сложившейся в юности от прочтения множества научно-фантастических книжек.

Сад Альфреда Маклея.

На склоне того же дня который наконец-то совершенно раздобрился и наполнился ровной солнечной радостью, переходящей в умиротворение безоблачного голубого неба готового принять закат как должное завершение угасших дневных метаний и неопределённости, мы решили отправиться в сад Альфреда Маклея рекомендованным путеводителем по Талахасси как один из шедевров садово-паркового искусства. Сад большею частью представлял собой ухоженный лес тех же мочальных деревьев с кокетливыми бутонами проглядывающими из седых мочал. Но здесь меж тех деревьев проложена была вымощенная камнем тропа вдоль которой полыхали разными цветами кустарники словно бы покрытые одними лишь сочными цветочными лепестками сокрывшими зелень листьев. Цвета их, жёлтые, рубиновые, нежно-розовые были искусственно распределены на фоне седины деревьев смыкающихся кронами над тропой и висячими мочалами достающими до самой брусчатки. Так художник-абстракционист распределяет по холсту цвета чтоб на двумерной плоскости создать ощущение трёх-мерного пространства. Здесь в саду казалось можно было видеть и чувствовать четвёртое измерение.

Дорожка проходила по берегу большого озера на которое открывался живописный вид через прогалы в лесу: вид на рыбацкую лодку словно зависшую в воздухе меж верхним и нижним отражённым небом, на зеркальную гладь опоясанную по периметру зеленью в жёлтой предзакатной ауре. Я останавливался

около каждого прогала чтоб запечатлеть эти картины в своей памяти. Так наверно муравей пробирающийся через лабиринты муравейника видит большой мир в попадающиеся по пути входы и выходы и замирает оторопев от его открытости и превосходства перед собственной его, муравья, малостью. Тропа миновала аккуратненький домик с высоко поднятой треугольной крышей в котором вполне могли бы жить трудолюбивые гномы и вышла к круглому цветнику опоясанному каменной изгородью с четырьмя арочными входами с каждой из сторон света. Входы были преграждены запертыми дверьми из узорных решёток из металла. Через них кольцевым чередованием белых, зелёных, красных живых колец открывалась цветочная симметрия внутри цветника. От цветника в направлении большого озера прорублена была длинная просека через лес по всей длине которой тянулся мелкий белого камня бассейн с прозрачной водой. Через просеку с бассейном словно через подзорную трубу вносящую оптические искажения на большое озеро

открывался пожалуй самый драматический вид. Во всей планировке с круговой симметрией цветника и прямою просеки словно б сокрыта была какая-то масонская символика, недоступная разгадке досужего ума.

В наступлении заката в парке становилось всё темнее и мы поспешили покинуть его побоявшись заблудится.

Миссия Сент-Луис.

Ещё один день взятый под надёжное покровительство Солнечного Бога от одного взгляда которого тают облака и прохладный воздух наполняется жаром мы разделили меж визитом в испанскую миссию Сент-Луис и посещением родникового озера Вакула Спрингс.

Миссия Сент-Луис находится на окраине Талахасси на невысоком холме оставляющем весь город в низине. По сути миссия являлась древней центральной территорией города основанного испанцами, в низине же жили исключительно индейские племена. Миссия является удивительным примером сосуществования и смешения культур местных индейских племён и испанских миссионеров. Оказывается несмотря на то что в общем индейцы во Флориде встречали испанцев воинственно, несколько испанских племён имевших территориальные распри с соседними племенами из политических соображений добровольно пригласило к себе испанских монахов и приняло христианство. Племена эти постепенно ассимилировались с прибывающими из Испании искателями новой жизни в одну испано-индейскую культуру следы и реконструированные строения которой мы увидели в Миссии Сент-Луис. Индейская культура и традиции некогда вошли в новый христианский быт совершенно так же как язычество древней Руси вошло в её единобожную православную культуру.

Крещёные индейцы продолжали практиковать многие из своих традиций включая ритуальные танцы и командные игры с резиновым мячом носившие культово-военный характер. Игры эти напоминали современный американский футбол. Нередко юноши погибали и калечились в этих играх. Индейским юношам они заменяли племенные войны и служили подготовкой тела и духа к тем же войнам. Не исключено что история резинового мяча и европейского и американского футбола берут начало именно в Новом Свете.

Новые поселенцы прибывающие из Старого Света были в основном мужчины. Совершенно естественно что многие из них брали себе в жёны окрестившихся индейских женщин которые видели в таких браках возможность для повышения своего социального статуса, и перспективы для своих детей. Дети от таких браков хоть и считались ниже по статусу чем рождённые от обоих родителей-испанцев всё-таки освобождались от трудовой повинности возложенной на индейцев.

С индейскими женами в испанский быт входила индейская кухня, индейские предметы быта. У индейцев приспособленных к местному климату и местной природе можно было перенять многое.

Кульминация индейской мудрости воплощена в миссии Сент-Луис в одном из памятников их архитектуры воссозданном по мотивам аналогичного оригинального строения. Поражает своими

размерами эта соломенная постройка в виде конуса с вершиной срезанной таким образом что вверху его образуется дыра через которую внутрь конуса проникает солнечный свет. Сооружение это некогда служило местом собраний для 2-3тысяч индейцев из всех деревень расположенных в низине. Собирались они для решения организационных вопросов относительно планирования посевов, сбора урожая, ведения войн с враждебными племенами. Это же сооружение использовалось для культовых танцев и традиционных празднеств, а так же как гостиница для прибывающих из

Испании визитёров и новых поселенцев.

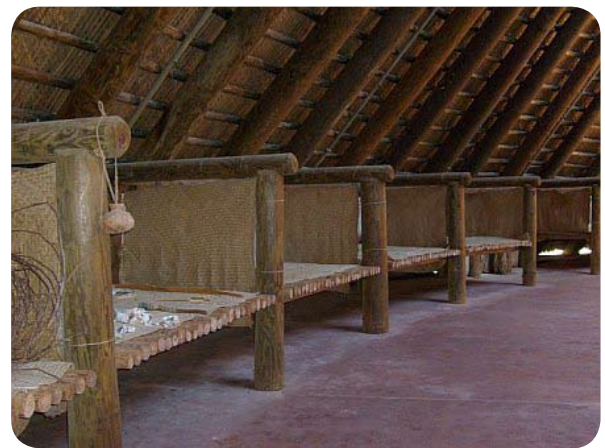
Внутри по всему радиусу вдоль соломенной стены словно куриные нащесты располагались открытые “гостиничные номера” – полки из соломы с перегородками по обе стороны отделяющими “номер” от таких же “номеров” Под каждой полкой было пространство для багажа и обуви визитёра.

В центре всего сооружения было сложено кострище без огня - при наличии пламени языки должны были бы подниматься почти до самой дыры вверху конуса вынося через неё дым и угарный газ наружу. Вокруг костра располагался длинный стол замыкающийся кольцом на котором когда-то во времена больших празднеств стояли явства для тысяч посетителей.

По выходу из сооружения нас встретил служитель-гид одетый в испанскую одежду 400-летней давности – просторный сюртук из грубой мешковины и панталоны словно раздутые пузырьём выше колена. Его сопровождала дама в пышном цветочного орнамента испанском платье за которой словно собака на привязи следовала индейка. От гида то мы и узнали обо всех технических сторонах необычного дизайна индейского строения.

По сути оно являло собой модель кондиционера которая на несколько сот лет предшествовала современным охлаждающе-вентиляционным системам больших помещений. Всё основание соломенного конуса было на фут приподнято над землёй. Через эту щель обеспечивался подсос воздуха вовлекаемого внутрь помещения восходящим потоком раскалённого пламени. Таким образом помещение постоянно вентилировалось: воздух поступал низом через щель в основании конуса и уходил верхом через дыру в его вершине, до которой сами языки пламени не дотягивались не воспламеняя солому. Когда шёл дождь попадая внутрь помещения через ту же дыру –

горячая верхняя часть пламени превращала его капли в пар заполняющий и остужающий всё внутреннее пространство.

Гид рассказал нам что постройка конуса заняла у индейцев сорок дней согласно летописям. При этом работали они без каких-либо подъёмных приспособлений пользуясь одной лишь мускульной силой, имея единственным преимуществом перед современными строителями превосходящее множество работников да наличие исключительной вышины сосны сорт которой давно повывелся в этих краях. У современных строителей с подъёмными кранами и грузовыми машинами процесс строительства включая получение всех необходимых разрешений занял два с половиной года. Что и говорить прогресс сделал сложные вещи простыми и простые вещи сложными, не всегда из того проистекает бесспорная польза. Морковку с нитратами не тронутую никаким грызуном тоже ведь не каждому по нутру кушать, а оно ведь тоже – прогресс.

Помимо соломенного чуда на территории миссии было воссоздано ещё несколько строений 400-сот летней давности: церковь, монашеская обитель и типовой дом испанского поселенца которых когда-то во времена расцвета миссии насчитывалось здесь до тысячи. Визитёры из Старого Света описывали в своих дневниках миссию Сен-Луис как аутентичный испанский городок немногим отличавшийся от малых городов в самой Испании. Церковь - большое прямоугольное здание с островерхой соломенной крышей – более походила на какое-то сельскохозяйственное сооружение вроде амбара для хранения зерна, на земляном полу не было привычных для католических церквей рядов лавок, из всех культовых предметов должных напоминать о назначении заведения присутствовало только распятие на дальней противоположной входу стене. Более всего запомнился мне запах внутри церкви который мгновенно вернул меня воспоминаниями в русскую глубинку со скотным двором, запахом навоза, прелого сена, влажной земли и сохнувшей на солнце древесине. Время связывающее 400-сотлетней давности картину стоящих босыми ногами на земляном полу и молящихся новому богу индейцев и русское село из моих детских воспоминаний со стогами сена и мордами коров высывающимися из окон фермы сомкнулось в моём сознании листом Мёбиуса хитроумно соединившем плоскости которым никакой логикой не должно стыковаться.

Монашеская обитель внешне ничем не отличалась от церкви и стояла бок о бок с нею, внутри же она разбита была на множество комнат лабиринтом переходящих одна в другую. Внутри нас встретил очередной служитель-гид одетый в монашью рясу, который и провёл нас по комнатам по ходу рассказывая о буднях монашеской жизни давних лет. Запомнился мне настенный рисунок ладони каждый фрагмент которой был обозначен римской буквой – вероятно через неё пояснялся символизм молитвы. Я подумал что весьма приятно посвятить жизнь изучению и трактовке

божественных символов когда можешь быть уверен что благодаря индейцам из низины разум твой может оставаться чистым и свободным от низменных забот о хлебе насущном. Я поинтересовался у гида как святые отцы относились к проявлениям у новой паствы элементов старого культа вроде игр с резиновым мячом в каждой из которых гибло аж до пяти игроков зараз, ритуальных танцев и массовых пиршеств, на что гид ответил что монахи вправе были запретить и запрещали любое действие которое на их взгляд посягало на основы христианской религии, всё прежнее носившее некогда религиозную окраску перешло в быт без какой-либо идеологии.

Типовой дом испанского поселенца представлял такое же прямоугольное строение с соломенной крышей только значительно меньшего размера, внутри был разбит на комнаты в которых было всё что подобает современным понятиям об удобстве исключая электротехнику и сантехнику. Всё нагоняло ностальгию по естественности жизни, которую мы слишком обременили пластиково-синтетическими протезами всего что когда-то было сделано руками из природных материалов, наделено собственной душой: посуда из кованого металла и расписной керамики, вышивки на сукне, резная деревянная мебель. В общем любой китаец вам сказал бы что у дома этого определённо положительный фэн-шуй.

Мы пробыли в миссии не более двух часов так как в тот же день нам предстояло посетить родник Вакулла Спрингс находящийся от миссии на достаточном удалении. День раскалился до предела возможностей февральского дня в Северной Флориде – было жарко на открытом солнце и прохладно в тени, самая подходящая погода для посещения родника.

Вакулла Спрингс

Вакулла Спрингс представляет собой образованный родником водоём окружённый джунглями. Известен он тем что здесь снимался первый фильм Тарзан с олимпийским чемпионом Джонни Вейсмаллером в главной роли. О кинематографической славе говорят старые киношные плакаты-афиши которыми украшены стены туристического центра. Сразу по прибытию мы приобрели в туристическом центре билет на обзорную экскурсию на одном из пароходиков курсирующих вдоль берегов водоёма и по его

каналам проходящим меж густых зарослей джунглей со свисающими в воду лианами и греющимися на солнышке трёх-пятиметровыми аллигаторами. Именно на одном из каналов по которому проплывают все пароходики и снимались основные сцены фильма. Наверное нужно быть олимпийским чемпионом достаточно уверенным в своих физических возможностях чтоб так вот запросто на расстоянии нескольких метров от зевающих зубастых рептилий окунуться в воду и проплывать несколько раз перед камерой.

Одного взгляда с пароходика вокруг достаточно было чтоб понять почему место это привлекло внимание киношников и продолжает привлекать внимание многочисленных любителей природы. Вода вокруг лодки была абсолютно прозрачна и открывала взору подводные ландшафты вьющихся словно шёлковые русалочьи волосы донных трав со снующими в них отстроносыми рыбами, огромные белые валуны, крючковатые словно лапы подводного чудища коряги. Седые мочальные деревьяева здесь были тонки стволами, путались в сетях вьющихся растений, теснили и заставляли причудливо изгибаться друг друга. В нишах меж высокой травой и поросших мхом завалах тлеющей древесины нежились на просочившемся через хитросплетения зелени солнце полудремлющие гады зачарованные игрою ослепительного света на поверхности воды: разнообразные змеи с артистичными орнаментами кож, кучи льнущих друг к другу черепах напоминающие россыпи потемневшей от времени древней черепичной посуды, молодые аллигаторы взбирающиеся на самые высоко торчащие остовы поваленных стволов чтобы лучше видеть свою территорию. Звенящая тишина то тут то там нарушалась всплеском крыльев взлетающей утки или скандальным гоготом многочисленных птиц не поделивших голые ветки одиноко растущего на очередном крохотном островке дерева. На торчащих из воды пнях на самом солнцепёке скульптурно застыв с широко распахнутыми крыльями сушили перья птицы-анахинги, у которых нет перьевого жира защищающего их от намокания как других водоплавающих птиц. Среди камышей на отмелях деловито расхаживали птицы похожие на российских цапель, журавлей и аистов слегка отличного от них вида.

Наверно летом зелень здесь буйствует заслоняя солнце и жизнь кипит как вода в котле, в феврале же всё здесь словно в полудрёме. Зелень более жмётся к земле и буреломом стелится по низу леса в виде высоких трав, низкорослых пальм, кустарников и вьющихся растений, вершины ж деревьев в основном голые и словно безжизненные если не замечать всё тех же бело-розовых бутонов вплетённых в седые мочала ниспадающие до самой воды кокетливыми

кудряшками. Из-за отсутствия листвы лес тих и звонок как в России в весеннее половодье. Впрочем порой он становится так тих и так пахнет древесно-лиственным тлением что невольно вспоминается ранняя осень. Всё это метание сезонных ассоциаций напомнило мне душевные метания среднего возраста когда ты в равной степени можешь почувствовать и начало старения и прилив свежести на новом витке созревания.

Пароходик словно бы летел над дном по прозрачной воде, по мановению капитана и гида замирая перед каждой достойной внимания природной диковиной и кренясь на один бок от перемещающейся в направлении зрелища массы пассажиров с фотокамерами. На одном из островков посреди водоёма увидели мы следующую курьёзную картину: на торчащем из воды бревне выстроившись одна за одной сидело с десяток крупных черепах, каждая предыдущая в ряду черепаха возложила голову на панцирь черепахи лежащей перед ней, самая же первая в ряду закатив глаза от слепящего солнца уткнулась клювообразным носом в нос молодого аллигатора находящегося в такой-же солнечно-черепашьей эйфории. Выглядело это так словно две рептилии целуются получая от этого несказанное удовольствие. Гид по этому поводу сделал комментарий что черепахи довольно часто становятся пищей для аллигаторов но в данном случае – аллигатор слишком молод чтоб воспринимать такую крупную черепаху как потенциальную жертву. Я подумал что тут всё совершенно как среди людей – несозревшие ещё хищники живут в идиллической гармонии с теми кого волею внутренней природы им когда-то придётся "скушать". При этом за любовь и безобидными симпатиями даже сами они не подозревают в себе зреющий аппетит к "взрослой" пище.

Миновав тот самый канал по которому когда-то плавал рискованый Джонни Вейсмаллер пароходик вышел в открытую воду с исчезающим дном недалеко от отправной точки нашего путешествия – туристического центра с причалом и огороженным плавучими буйками пляжиком. Гид рассказал нам что как раз в этом месте где донные травы под нами обрываются открывая какое-то тёмное неопределённое пространство – находится сам родник – заполненный водой провал уходящий в глубину как минимум на 130 футов. "Как минимум," - пояснил он, - "Это потому что водолазы смогли спуститься только на эту глубину, далее побоялись потому что от шахты родника отходило слишком много тоннелей подводных рек с быстро текущей водой".

Сойдя на берег я решил окунуться в прозрачную воду на пляжике краем соприкасающимся с родниковой шахтой и к тому же находящимся метрах в тридцати от противоположного берега на котором грелся аллигатор длиной в полтора человеческих роста. В общем-то для аллигатора не было никаких физических преград кроме собственной лени и сытости чтоб с присущей ему быстротой нырнуть в воду и выудить оттуда приглянувшегося ему купальщика. Но в конце концов я не мог воспротивиться желанию сначала по колени, потом по пояс, потом по плечи и наконец с головой почувствовать себя Тарзаном.

Впрочем среди всех наших дневных ощущений нужно упомянуть и разочарование связанное с тем чего увидеть нам, увы, не удалось. Надо сказать что одной из основных целей посещения Вакулла Спрингс для нас была вероятная встреча с морскими коровами, которые через протоки заплывают в водоём из Залива. Морские коровы – исчезающий вид животных. Внешним видом и размерами они более всего похожи на моржей, только, судя по фотографиям в туристических буклетах, более милостивы своей внешней безобидностью и какой-то что ли трогательной нелепостью с точки зрения человека не посвящённого в тайную мудрость природных пропорций. В открытых для судоходства водах масса их гибнет под винтами быстроходных лодок, так как средой обитания их являются верхние слои воды. В тот момент как мы прибыли в Вакулла Спрингс в билетной кассе нам сообщили что пассажиры с предыдущих лодочных туров видели морских коров много раз за текущий день. Как раз по

отплытия наблюдательная служба по громкоговорителю сообщила что коровы обнаружены в районе пляжа, от которого мы уже отплыли на почтительное расстояние. Увы коров нам не удалось увидеть ни в этот не в последующий день когда мы специально заскочили в Вакула Спрингс на часок в надежде что во второй раз нам повезёт.

Забавно что рысь в заповеднике Святого Марка мы увидеть никак не планировали но нам так вот «сходу» повезло увидеть хищницу, меж тем как встреченные нами путешественники-натуралисты рассказывали что приезжают заповедник уже который десяток раз чтоб увидеть рысь в живой природе, но так не разу не довелось её увидеть. А с морскими коровами у нас вышло как раз наоборот. Мораль – чем более мы чего-то хотим и подстраиваем события так чтоб желаемое случилось тем менее у нас шансов на везение ибо везение по природе своей штука случайная не терпящая определённости. Но вообще надо сказать что всё незапланированно увиденное в Вакулла Спрингс – это как раз сплошное везение оставившее в памяти шлейф ярких живых воспоминаний.

Центр Изучения Морской Флоры и Фауны.

Вот вы наверняка не знаете кто такой морской таракан, а японцы, меж тем, его едят и страдают оттого несварением желудка. Представьте себе мокрицу с лапами скорпиона увеличенную до размеров крупной собаки – именно такое чудище увидели мы заспиртованным в банке в Центре Изучения Морской Флоры и Фауны куда заехали в поисках ближайшего песчаного пляжа на Мексиканском заливе в последний перед отбытием домой день. Вам должно быть известно что дно океана на глубинах нескольких километров кишит жизнью совершенно не нуждающейся в солнечном свете. Всё дно мирового океана усеяно гейзерами

испускающими раскалённый пар с примесью серы, вокруг таких гейзеров вырастают целые облака бактерий которым приходится по нутру такая среда обитания, бактерии же служат началом биологической цепочки разнообразных форм придонной жизни: рачков, паукообразных крабов, причудливой внешности рыб. Оказывается вместе с бактериями живущими в горячей серной воде эти формы жизни составляют бóльшую часть биомассы земли – если б нас со всей наземной флорой и фауной и жизнью в верхних слоях мировых океанов смела волна какого-то глобального катаклизма, для биомассы земли – потеря была бы невелика. Морской таракан как один из представителей придонной жизни мировых океанов вполне мог бы стать отправной точкой нового витка эволюции способной усовершенствовать неразумную тварь до нашего с вами, надо полагать, разумного состояния.

Морской таракан как мы узнали в Центре – существо крайне агрессивное и прожорливое:

свидетельства очевидцев приведённые как комментарии к заспиртованной в банке тушке таракана говорили о том что в мгновение ока он сжирает целую стаю крупной рыбы. В общем если вам когда либо доведётся спуститься на глубину нескольких километров и разгуливать по дну мирового океана – мой вам убедительный совет: держитесь подальше от морского таракана!

Помимо морского таракана в Центре во вместительных бассейнах и аквариумах в нескольких тематически разделённых павильонах предстало нашему взору великое множество морской живности которую здесь выращивают специально для снабжения крупнейших исследовательских институтов США образцами морской флоры и фауны для проведения научных опытов. В нескольких бассейнах живность не представляющую угрозы для человека разрешено было трогать руками. Подержать в ладони морского ежа, провести пальцем по шершавой поверхности морской звезды и по мягкому надувшемуся телу морского огурца, потрогать роговитый панцирь длинноногого краба пытающегося ухватить вас клешней, попытаться поймать рыбку плавниками-крылышками совершенно похожую на мотылька, попытаться выманить из ракушки рака-отшельника – всё это доставит удовольствие и взрослому не говоря уж о детях ради которых и сделаны эти открытые для контакта с живой природой бассейны. На тех же бассейнах и аквариумах обитатели которых не столь благосклонны к излишнему человеческому вмешательству в их приватную жизнь висят строгие предупредительные таблички типа: "Эти рыбы кусачие – держите ваши руки и лица подальше от воды" Впрочем при виде крупной как бревно багровой акулы смотрящей на вас из под воды холодным глянцевым глазом или крупного электрического ската со змеиным орнаментом на гладкой коже у вас вряд ли возникнет желание запустить руку в бассейн. Перечислить и описать всех обитателей Центра было бы предметом отдельной книжки, я упомяну только тех что произвели на меня самое незабываемое впечатление.

В одном из аквариумов словно запутавшись в своих длинных щупальцах лежал неподвижно на дне белый осьминог, отслеживая всякое движение за стеклом глазом с вертикальной полоской зрачка более похожим на электронное устройство чем на глаз живого существа. Обычно осьминоги в неволе не большие любители позировать перед камерами и вообще показываться на глаза, природой своей предрасположенные к стремлению в темноту, они находят самые укромные и самые недоступные взору досужего наблюдателя уголки своих вынужденных пристанищ. У здешнего ж осьминога не было

особого выбора – аквариум был пуст, прозрачен и доступен свету со всех сторон. Я поспешил воспользоваться возможностью сделать снимок морской диковины. Когда у фотоаппарата сработала автоматическая вспышка осьминог до того недвижимый и застывший на мне взглядом своего щелевидного глаза, вдруг зажмурился и оттолкнувшись ото дна всеми щупальцами быстро пошёл вверх. Затем прикрепившись присосками щупалец к верхнему краю аквариумного стекла одной из ног он приподнял крышку аквариума высунул какой-то мягкий отросток своего тела и направленно брызнул в меня струей холодной воды. Я никак не ожидал такого проявления характера присущего разумному существу от этого плавучего студня. Я решил не будить более зверя в мирно дремавшем до моего вторжения существе и отошёл от аквариума на порядочное расстояние, но даже после моего удаления осьминог не желал спускаться вниз продолжая курсировать вдоль верхней передней кромки аквариума,

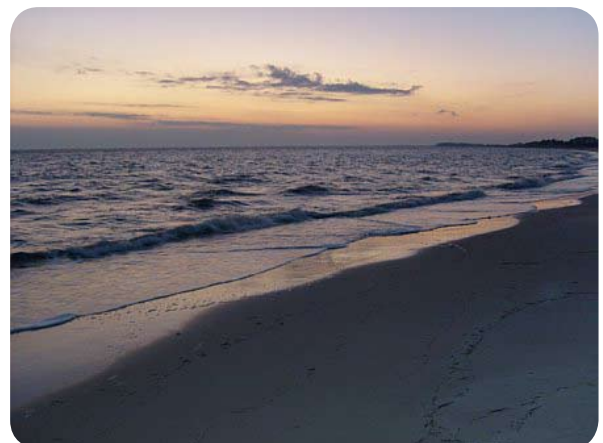
не отрывая от меня своего причудливого зрачка, готовый в любую минуту повторить образовательные водяные процедуры.

Следующими представителями морской фауны оставившим след в моей памяти были похожие на крупных паучков земляные крабы, те что живут в норах на удалении от воды подобно грызунам или насекомым. Во дворе построена была для них низкая прямоугольная изгородь высотой чуть выше колена. Крабы которым из-за относительно малого размера их вполне доставало места для продолжительной прогулки от стены до стены вольера, тем не менее были крайне ущемлены своей несвободой. Сотни их собрались в одном углу заграждения. Словно бы сознательно помогая друг другу они выстраивали живую пирамиду верх которой всё выше и выше поднимался к верхнему краю барьера. Верхние крабы позволяли поднимающимся снизу взбираться себе на спину, чтоб хоть у тех появились шансы увидеть волю. Мне показалось удивительным такое организованное поведение низших животных направленное на то чтоб оказать услугу не себе любимому в первую очередь а ближнему крабу своему.

Алигайтурс Пойнт.

Завершив обзорную экскурсию по Центру Изучения Морской Флоры и Фауны мы направились дальше по дороге ведущей к мысу Алигайтурс Пойнт на Мексиканском Заливе замечательному своим песчаным берегом идеальным для купания в тёплую погоду. Доселе радующий тёплым солнцем и ясной лазурью безоблачного неба день клонился к завершению и быстро охлаждадал моё сокровенное желание окунуться в воды Залива. Прохладный ветер всё более смелеющий с наступлением заката заставил нас надеть ветровки и поднять капюшоны. Я ожидал что Аллигайтурс Пойнт окажется заповедным прибрежным лесом и песчаными барханами пляжей с деревянными столиками и мангалами для посетителей, как можно было предположить из обозначений на карте. Вероятно когда то это место и было чем то в этом роде, но сейчас пред нами предстала картина сплошной побережной застройки. Дома стояли на высоких сваях обращённые окнами к Заливу, лишь в одном месте нам удалось найти узкий проход меж ними чтоб оставив машину на обочине дороги пройти к пляжу. Большинство домов были пусты несмотря

на то что вся прибрежная застройка вполне была приспособлена для постоянного проживания: многие дома были в три этажа, имели в себе не менее десятка комнат и, насколько можно было судить по виду интерьеров через стеклянные фасады, - довольно роскошную меблировку с книжными шкафами, письменными столами, домашними кинотеатрами. Казалось живую жизнь здесь смыло набежавшей волной оставившей в целости и сохранности всё неживое, качели со скрипом раскачивающиеся на ветру, плетёные кресла стоящие на верандах, детские игрушки засыпанные песком. Всё замерло словно в ожидании быть когда-то расколдованными от сонного заклинания.

Будто бы стоило произнести несколько слов и в окнах начал бы загораться свет, с кухонь послышался бы звон посуды, дети с визгом выскочили из распахнувшихся стеклянных дверей на веранды к качелям.

Как мы узнали позднее всё побережье залива сильно пострадало во время последнего урагана. Многие дома были повреждены им и позднее восстановлены хозяевами с целью выставить их на продажу готовому идти на риск

иль просто не ведающему о потенциальной опасности покупателю зачарованному райской побережной картиной. Действительно около многих домов стояли таблички риэлторских фирм извещающие о том что дом продаётся. Я ещё не мог понять как это у такого большого количества людей может одновременно возникнуть желание покинуть такую идиллию. Мне казалось что однажды поселившись здесь человек уже более не мог бы и мечтать о каком-то ином пристанище – выше рая только рай, единственный путь что-то существенно поменять будучи в раю – это спуститься на грешную землю, иль в преложении к данной ситуации уехать в Нью-Йорк, Бостон, Париж, Москву... – в общем туда где недозревшей до райской жизни душе будет комфортно натирать мозоли. Впрочем некоторые дома из тех что не продаются были обитаемы по-видимому сезонно, хозяева иль арендаторы наезжали сюда в более тёплое время года чтоб навестить свой потерянный рай в цветении его.

Песок пляжа перед домами был мелок и бел словно толчёный в пыль жемчуг. Волны выносили на берег раковины самых разнообразных форм от вытянутых спиральным конусом единороговых рожков, до закрученных галактикой дисков. Вода на удивление была тепла хотя с наступлением сумерков воздух вокруг охладел настолько что ясно вспоминался февраль северных широт. Белый песок вобравший в себя свет опустившегося в воду солнца и краски заката начинал светиться переливаться словно свежеевыпавший снег. На фоне его всё обращалось тенью. Дома почернели и лишь где-то вдалеке в нескольких из них обозначились огоньки жизни. Мне вспомнилась фраза из известного анекдота про Штирлица пошедшего зимой в лес по грибы завершающаяся фразой – «Не сезон, - подумал Штирлиц и бросил корзину в сугроб». Так и мы приехав на Алигайторс Пойнт в конце концов осознали что приехали не совсем в подходящий сезон.

Отъезд.

Последний день мы провели в дороге от Талахасси до Джэксонвилля из которого вечером улетал наш самолёт. Утром прошёл чрезвычайно сильный дождь словно с неба кто-то стремился залить пожар из огромного шланга. Дождь был короток – после него природа ожила и запахи цветов и зелени до того едва ощутимые наполнили лёгкие и защекотали организм весной. Мокрые черепахи выползали на автотрассу из лесу, птицы щебетали во все голоса о чём то очень большом.

Остановившись в придорожном киоске купить местного мёда, мы узнали от продавца что прямо перед нами по направлению к Джэксонвиллю идёт торнадо. Продавец рекомендовал не торопиться чтоб не нагнать разбушевавшуюся стихию. Последовав его совету мы ехали осторожно ощущая себя словно между двумя несметными войсками готовыми пойти друг на друга в лобовую – тёмно-синего беснующегося полунеба впереди и пронзительно голубого залитого солнцем полунеба позади нас. Мы старались оставаться на светлой стороне, но порою поторопившись пересекали вполне ощутимую черту - дождь захлёстывал лобовое стекло и ветер завывал во всех доступных ему щелях и полостях автомобиля. В одном месте на обочине дороги мы увидели большой металлический щит-указатель дорожных направлений порванный торнадо как листок бумаги. Я понял что живущие в Северной Флориде не всегда ощущают себя как у Бога за пазухой, суровые погодные условия иногда представляющие риск для жизни здесь – не редкость. Но даже не смотря на это улетать не хотелось, хотелось остаться. Может не навсегда, но хотя б чтоб пережить здесь все сезоны и увидеть как выглядят мочальные деревья летом, купается ль кто на пляжах Залива, и где в конце концов прячутся морские коровы в Вакулла Спрингс.

